Мы все из Бюллербю (сборник)

Автор:
Астрид Линдгрен

Мы все из Бюллербю (сборник)

Астрид Линдгрен

Бюллербю – самое лучшее место на Земле, считают дети, которые там живут, и сама Астрид Линдгрен, чьё детство прошло в такой же маленькой деревушке на юге Швеции. И хотя детей в Бюллербю всего шестеро, им никогда не бывает скучно, как не было скучно и великой писательнице, ведь именно там сформировалось её мировоззрение. С обычным для неё блеском и юмором она описывает их беззаботное детство, в котором есть место и прекрасным семейным праздникам, и шалостям, и радостям, и мимолётным огорчениям.

Астрид Линдгрен

Мы все из Бюллербю (сборник)

ASTRID LINDGREN

Alla vi barn i Bullerbyn, 1947

Mera om oss barn i Bullerbyn, 1949

Bara roligt i Bullerbyn, 1952

First published in 1947, 1949, 1952 by Raben & Sj?gren, Sweden.

For more information about Astrid Lindgren, see www.astridlindgren.com (http://www.astridlindgren.com/).

All foreign rights are handled by Th e Astrid Lindgren Company, Liding?, Sweden.

For more information, please contact info@astridlindgren.se (mailto:info@astridlindgren.se)

© Text: Astrid Lindgren 1947, 1949, 1952 / The Astrid Lindgren Company

© Горлина Л. Г., наследники, перевод на русский язык, 2019

© Дудник Е. В., иллюстрации, 2019

© Оформление, издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019

Machaon®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Книга первая

Мы все из Бюллербю

Мы все из Бюллербю

Меня зовут Лиза. Я девочка, хотя, наверное, это и так ясно, раз меня зовут Лиза. Мне семь лет, но скоро уже будет восемь, и мама иногда просит меня:

– Лиза, ты уже большая, вытри, пожалуйста, посуду!

А Лассе и Боссе говорят:

– Маленьких играть в индейцев не принимаем!

Так какая же я всё-таки, большая или маленькая? По-моему, если одни считают, что я уже большая, а другие, что я ещё маленькая, значит, я в самый раз.

Лассе и Боссе – это мои братья. Лассе девять лет, а Боссе – восемь. Лассе ужасно сильный и бегает гораздо быстрее, чем я. А с Боссе мы бегаем одинаково. Когда им нужно удрать от меня, Лассе меня держит, а Боссе тем временем убегает. Потом Лассе отпускает меня и убегает сам. А уж его-то мне никак не догнать. Жаль, конечно, что у меня только братья и ни одной сестры, ведь мальчишки такие вредные.

Мы живём в деревне Бюллербю. Это очень маленькая деревня, в ней всего три дома, и стоят они бок о бок. Мы живём в среднем доме, он так и называется Средняя усадьба. Две другие называются Северная и Южная.

В Южной усадьбе живёт мальчик Улле. У него совсем нет ни сестёр, ни братьев, но он всегда играет с Лассе и Боссе. Ему восемь лет, и он тоже очень быстро бегает.

А вот в Северной усадьбе живут сразу две девочки. Я просто счастлива, что там нет мальчишек! Девочек зовут Бритта и Анна. Бритте девять лет, а Анне столько же, сколько и мне. Я очень их люблю, и Анну, и Бритту, но Анну всё-таки чуть-чуть больше.

Других детей в нашей деревне нет. Нас всего шестеро: Лассе, Боссе и я, Улле, Бритта и Анна.

С братьями трудно ладить

Раньше Лассе, Боссе и я спали в одной комнате, которая на чердаке справа. Теперь у меня своя комната – та, что слева. В ней когда-то жила бабушка. Я расскажу потом, как я туда переселилась.

В общем-то мне даже нравилось жить вместе с Лассе и Боссе. Но не всегда. Хорошо было, когда по вечерам мы лежали и рассказывали страшные истории, хоть я и дрожала от страха. Лассе знает такие жуткие истории про привидения, что я прячусь под одеяло и боюсь высунуться. А Боссе не рассказывает ничего страшного. Он рассказывает только о разных приключениях, какие у него будут, когда он вырастет. Ведь он собирается поехать в Америку и стать вождём индейцев.

Однажды Лассе и Боссе так меня напугали, что я чуть не умерла. Лассе рассказывал историю про привидение, которое заходило в дом и передвигало мебель. В нашей комнате было совсем темно, а моя кровать стояла далеко от кроватей Лассе и Боссе. И вдруг по комнате запрыгал стул! Я решила, что это привидение, и заорала во всё горло. Но тут я услышала, как Лассе и Боссе

прыскают от смеха. Знаете, что они сделали? Они привязали к стулу две верёвки и дёргали за них. Вот стул и прыгал. Они мастера на такие проделки! Сперва я очень рассердилась, но потом мне тоже стало смешно.

Когда живёшь с братьями в одной комнате и эти братья старше тебя, они всем распоряжаются как хотят. У нас, например, распоряжался Лассе. Он один решал, когда вечером гасить свет. Если я читала в постели сказки, Лассе заявлял, что надо погасить свет и рассказывать страшные истории. А если мне хотелось погасить свет и спать, Лассе и Боссе тут же затевали какую-нибудь игру. Лассе может погасить свет, не вставая с кровати, потому что смастерил какую-то хитрющую штуку из картона и прикрепил её к выключателю, а шнурок от этой штуки привязал к спинке кровати. Это замечательное изобретение, но я, к сожалению, не могу объяснить вам, как оно устроено, потому что не собираюсь становиться инженером, как Лассе. Это Лассе всегда хвастает, что будет инженером по хитроумным изобретениям. Я не совсем понимаю, что это значит, но Лассе говорит, что инженер по хитроумным изобретениям – прекрасная профессия. И ещё он говорит, что таким инженером может стать лишь тот, кто умеет прикреплять картонки к выключателям. Боссе собирается стать вождём индейцев. По крайней мере, раньше он всегда так говорил. Но недавно я слышала, как он сказал маме, что хочет стать машинистом на паровозе. Значит, он передумал насчёт индейцев. А вот я ещё не знаю, кем буду. Должно быть, мамой. Я очень люблю маленьких детей. У меня есть семь дочек, это мои куклы. Но скоро я буду уже слишком большая, чтобы играть в куклы. Скучно, наверное, быть большой!

Мою самую красивую куклу зовут Белла. У неё голубые глаза и золотые локоны. Она спит в кукольной кроватке с розовой простынкой и розовым одеяльцем, которые сшила мама. Однажды я подошла к Белле и увидела у неё бороду и усы. Это Лассе и Боссе нарисовали их углём. Хорошо, что теперь у меня есть своя комната.

Из окна Лассе и Боссе можно заглянуть прямо в окно Улле. Он ведь тоже спит в комнате на чердаке, а наши дома стоят совсем рядом. Папа говорит, что, если посмотреть со стороны, похоже, будто все три дома подталкивают друг друга в бок. Он считает, что не надо было строить дома так близко. Но Лассе, Боссе

и Улле с ним не согласны. Им нравится жить рядышком. Между нашим домом и домом Улле есть невысокая изгородь. Возле неё растёт большое дерево. Папа говорит, что это липа. Ветви липы с одной стороны достают до окна Лассе и Боссе, а с другой – до окна Улле. Когда у Лассе, Боссе и Улле срочное дело, они лезут друг к другу прямо по липе. Так гораздо быстрее, чем спускаться по лестнице, выходить в одну калитку, входить в другую и снова подниматься по лестнице. Однажды наши папы решили срубить липу. Они сказали, будто от неё темно в комнатах. Но Лассе, Боссе и Улле устроили такой рёв, что липу оставили в покое. Она и сейчас там растёт.

Как мне подарили комнату

Из всех праздников я больше всего люблю свой день рождения. Самый хороший день рождения был у меня, когда мне исполнилось семь лет.

В этот день я проснулась очень рано. Тогда мы жили в одной комнате с Лассе и Боссе. Они всё не просыпались, и я стала скрипеть кроватью, чтобы их разбудить. Разбудить их иначе я не могла, ведь в день рождения надо притворяться спящей, пока тебе не принесут подарки и угощение прямо в постель. А Лассе и Боссе спали и, кажется, не собирались готовить мне угощение. Я скрипела очень долго и громко. Наконец проснулся Боссе. Он сел на кровати и взъерошил себе волосы. Потом разбудил Лассе. Они тихонько вышли из комнаты и спустились вниз. Я слышала, как мама на кухне гремит посудой, и еле удерживалась, чтобы не вскочить.

Но вот они затопали по лестнице, и я крепко зажмурила глаза. Трах! – дверь с шумом распахнулась, и на пороге появились папа, мама, Лассе, Боссе и Агда, наша служанка. У мамы в руках был поднос с цветами, чашкой какао и большим пирогом, на котором сахарной глазурью было написано: «Лизе 7 лет». Пирог испекла Агда. А больше никаких подарков не было, и я уже подумала, что это какой-то странный день рождения, но тут папа сказал:

– Выпей побыстрее какао, и пойдём поищем, может, найдутся ещё какие-нибудь подарки.

Тогда я поняла, что меня ждёт сюрприз, и залпом выпила какао. После этого мама завязала мне глаза полотенцем, папа заставил меня покружиться, потом взял на руки и куда-то понёс. Только куда, я не видела. Но я слышала, что Лассе и Боссе бегут рядом. Нет, не слышала, а чувствовала, потому что они всё время щекотали мне пятки и говорили:

– Угадай, где ты?

Папа спустился со мной вниз и долго носил меня по всему дому, он даже выходил со мной во двор, а потом снова стал подниматься по какой-то лестнице. Наконец мама развязала мне глаза.

Мы стояли в комнате, в которой я никогда раньше не бывала. По крайней мере, мне так сначала показалось. Но когда я выглянула в окно, я увидела дом Бритты и Анны. Они стояли у окна и махали мне рукой. И я поняла, что мы в бывшей бабушкиной комнате и что папа нарочно так долго носил меня, чтобы запутать. Бабушка жила с нами, когда я была совсем маленькая, а потом переехала жить к тёте Фриде. С тех пор в её комнате хранились мамин ткацкий станок и ворох лоскутьев, из которых мама ткала половики.

Однако теперь здесь не было ни станка, ни лоскутьев. Комната так изменилась, что я спросила, уж не побывал ли тут волшебник. Мама сказала, что, конечно, побывал и этот волшебник – мой папа. Он наколдовал мне эту комнату, и теперь я буду в ней жить. Это и есть подарок ко дню рождения. Я страшно обрадовалась, потому что ещё никогда в жизни не получала такого подарка. Папа сказал, что мама тоже помогала ему колдовать. Он наколдовал очень красивые обои с букетиками, а мама – занавески. Каждый вечер папа уходил в свою мастерскую и там колдовал. Так появились комод, круглый стол, этажерка и стулья. Всё это папа выкрасил в белый цвет. А мама выткала половики в зелёную и жёлтую полосочку и застелила ими пол. Я сама видела, как она зимой ткала эти половики, но кто же знал, что она ткёт их для меня. И конечно, я видела, как папа мастерит мебель, но зимой папа всегда мастерит что-нибудь для людей, которые сами не умеют этого делать.

Лассе и Боссе тут же перетащили в новую комнату мою кровать, и Лассе сказал:

– Но по вечерам мы всё равно будем приходить к тебе и рассказывать страшные истории!

Первым делом я вернулась в комнату Лассе и Боссе и забрала всех своих кукол. Для маленьких кукол я устроила дом на этажерке. Сначала я постелила красную тряпочку – это был ковёр, потом расставила кукольную мебель, которую бабушка подарила мне на Рождество, и наконец поставила кукольные кроватки и положила в них кукол. Теперь у них, как и у меня, была своя комната, хотя это был мой день рождения, а не их. Кроватку Беллы я поставила рядом со своей, а кукольную коляску с Гансом и Гретой – в другом углу. И тогда в моей комнате стало ещё уютнее.

Потом я снова побежала к Лассе и Боссе и забрала у них из комода все свои коробочки и картинки. Боссе очень обрадовался.

– Вот сколько места освободилось для птичьих яиц! – сказал он.

Я расставила на этажерке все свои книги и журналы. У меня целых тринадцать книг! Рядом я сложила коробочки с глянцевыми картинками, которыми мы с девочками меняемся в школе на переменках. У меня очень много картинок, но есть несколько любимых, их я не обменяю ни за что в жизни. Самая любимая – это крылатый ангел в розовом одеянии.

Вот какой подарок я получила на день рождения. Но на этом мой праздник ещё не кончился.

Продолжение дня рождения

После обеда ко мне в гости пришли все дети из Бюллербю. Вы, наверно, помните, что нас всего шестеро? Мы прекрасно уместились в моей новой

комнате за круглым столом и угощались малиновым морсом и пирогом, на котором было написано «Лизе 7 лет», и ещё двумя пирогами, их тоже испекла Агда. И я получила новые подарки: от Анны с Бриттой – сказки, а от Улле – шоколадку. Улле сидел рядом со мной, а Лассе и Боссе дразнились:

– Жених и невеста! Жених и невеста!

Они дразнятся, потому что Улле не стесняется играть с девочками. Но Улле не обращает внимания на их дразнилки, он одинаково играет и с мальчиками, и с девочками. Лассе и Боссе тоже не прочь иногда поиграть с девочками, хотя и притворяются, что они девчонок терпеть не могут. Но если в деревне всего шестеро детей, им всё равно приходится играть друг с другом, не важно, мальчики они или девочки. Ведь в любую игру вшестером играть гораздо веселее, чем втроём.

Поев, мальчики ушли смотреть коллекцию птичьих яиц, которую собрал Боссе, а мы с девочками стали играть в куклы. И тут я изобрела одну хитроумную вещь – не хуже самого Лассе.

Ещё давно я нашла длинную-предлинную бечёвку, но не знала, что с ней делать. А теперь я поняла, для чего она годится. Если связать эту бечёвку ещё с одной такой же длинной бечёвкой и протянуть её из окна моей комнаты в окно к Бритте и Анне, можно пересылать друг другу письма в коробке из-под сигар. Всё получилось просто замечательно!

Бритта с Анной побежали к себе домой, и мы стали посылать друг другу письма. Сигарная коробка легко скользила по бечёвке. Сначала мы писали просто: «Как ты поживаешь? Я поживаю хорошо». Но потом мы придумали игру, как будто мы принцессы, заточённые в замках. Мы не можем выйти из своих замков, потому что нас стерегут злые драконы. Бритта с Анной писали мне: «Наш дракон жутко страшный! А твой? Принцесса Бритта и принцесса Анна».

А я им отвечала: «Мой дракон тоже жутко страшный. Он меня кусает, когда я хочу выйти из замка. Как хорошо, что мы можем переписываться! Принцесса

Лиза».

Потом мама позвала меня вниз, и, пока меня не было, ко мне в комнату пришли Лассе, Боссе и Улле. Они увидели наши письма, и Лассе тоже отправил девочкам письмо. Он написал:

Принцесса Лиза ушла высморкать нос. Зато здесь есть куча принцев. Принц Ларс Александр Наполеонский.

Но Бритта и Анна сказали, что это уже глупости.

Я ужасно рада, что окно моей комнаты смотрит как раз в окно Бритты и Анны! Теперь мы всегда посылаем друг другу письма. А зимой, когда письма посылать неудобно, мы переговариваемся с помощью карманного фонарика. Я зажигаю фонарик три раза, и это значит: «Приходите скорей ко мне! Я придумала что-то интересное».

Мама предупредила меня, что свою комнату я должна убирать сама. И я очень стараюсь. Иногда я устраиваю генеральную уборку. Я выбрасываю половики прямо в окно, и Агда помогает мне выбивать из них пыль. Потом я начищаю дверные ручки, чтобы они блестели, вытираю пыль, ставлю в вазу свежие цветы и перестилаю кукольную кроватку. Но случается, что я забываю про уборку. Тогда мама говорит, что я неряха.

У нас начались каникулы

Всегда весело, когда наступает лето. Но главное веселье начинается тогда, когда кончаются занятия в школе. У меня пока был только один экзамен. Веселье началось ещё накануне вечером. Мы украшали школьный зал цветами и гирляндами из листьев. Мы все, дети из Бюллербю, наломали берёзовых веток и нарвали первоцвета и камнеломки. От дома до школы далеко, наша школа находится в другой деревне, которая называется Большая. Нельзя же открывать

школу всего для шести детей. Наши цветы немного завяли, когда мы добрались до школы, но не очень. Мы поставили их в воду, и они снова расцвели. Чёрную доску в классе украсили шведскими флагами, гирляндами из берёзовых веток и повсюду поставили цветы. И в школьном зале запахло, как на лугу.

Когда всё было готово, мы стали репетировать песни, которые должны были петь на экзамене. «Эй, проснись! – кричит мне солнце» и «За меня не бойся, я не пропаду». А одна девочка по имени Улла пела так: «За меня умойся, сама я не могу». Кто-то ей сказал, что надо петь именно так. Какое счастье, что наша учительница успела объяснить ей, как петь правильно, иначе она опозорилась бы на экзамене!

Когда мы шли из школы домой, погода была замечательная. Мы все, дети из Бюллербю, всегда ходим вместе. Дорога домой занимает у нас много времени. Лассе сказал, что мы должны наступать только на те камни, которые лежат у края дороги. Это у нас была такая игра. Мы притворялись, что если мы пойдём по земле, то непременно умрём. Неожиданно Улле упал на землю, и Боссе сказал:

– Ты умер!

– И не думал! – ответил Улле. – Ты только взгляни на меня, какой я живой! – И он задрыгал руками и ногами. Мы все стали смеяться.

Потом мы полезли по изгороди. И Лассе сказал:

– Кто, интересно, постановил, что надо ходить только по дороге?

Бритта ответила, что наверняка это был кто-нибудь из великих людей.

– Вполне возможно, – сказал Лассе.

Мы долго-долго лезли по изгороди, и нам это очень нравилось, я даже решила, что больше никогда не буду ходить по дороге. Но тут нам навстречу попался старик, который вёз на телеге бидоны с молоком, он сказал:

– И что это за вороны уселись на мою изгородь? В жизни не видел таких ворон.

Однако на другой день, когда мы шли уже на экзамен, мы не могли лезть по изгороди, потому что все были одеты очень нарядно. На мне было платье в красный горошек, а на Бритте и Анне голубые платья с оборкой. И ещё у нас в волосах были новые банты, а на ногах новые туфли.

В школьном зале сидело много родителей, они пришли послушать, как мы будем отвечать. Я ответила на все вопросы, какие мне были заданы, но Боссе сказал, что семью семь будет пятьдесят шесть. Лассе повернулся, строго посмотрел на него, и Боссе тут же поправился:

– Простите, я ошибся, конечно, семью семь будет сорок шесть.

А на самом деле семью семь будет сорок девять, и я это знаю точно, хотя мы ещё не начали учить таблицу умножения. Но я слышала, как это говорили другие дети. Во всей школе нас всего двадцать три человека, так что мы сидим все вместе в одном классе.

Когда мы спели все песни, какие полагалось, и даже «Наконец настало лето», учительница сказала:

– А теперь до свидания! Желаю вам всем весело провести каникулы!

И я почувствовала, что во мне что-то запрыгало от радости.

Мы все, дети из Бюллербю, получили хорошие отметки. Мы их сравнили по дороге домой. У Боссе табель был не особенно хороший, но и не такой уж плохой.

Вечером мы играли на дороге в лапту. Неожиданно мяч залетел в кусты смородины. Я побежала за ним. И угадайте, что я там нашла! В самой глубине под кустами лежали одиннадцать куриных яиц! Я ужасно обрадовалась. Мы

знали, что одна из наших несушек из упрямства не желает нестись в курятнике. Она всегда откладывала яйца где придётся. Лассе, Боссе и я долго искали места, где она несётся. Но она была такая хитрая, что мы никак не могли её выследить. Мама сказала, что даст нам по пять эре за каждое найденное яйцо. И вот я нашла яиц на целых пятьдесят пять эре! Однако мяча я так и не нашла.

– Яйца ничем не хуже мяча, – решил Лассе, – у нас получится яичница для всего Бюллербю.

Но я сложила все яйца в свой фартук, отнесла их маме и получила пятьдесят пять эре. Каждому из детей я дала по пять эре, а остальные положила в свою копилку, которую заперла маленьким ключиком. Ключик висит на гвоздике в глубине моего шкафа.

Через некоторое время Анна нашла мяч, и мы ещё долго играли в лапту. Легли мы в тот день гораздо позже обычного, но это было не важно, ведь у нас были каникулы и завтра мы могли спать сколько захотим.

Мы полем репу и получаем в подарок котят

После того как мы пололи репу, денег в моей копилке заметно прибавилось. Конечно, мы пололи её все вместе, ведь полоть врозь было бы скучно. Вообще-то Лассе, Боссе и я должны были полоть нашу репу, Бритта и Анна – свою, а Улле – свою. Но мы пололи вместе всю репу подряд. За длинную прополотую грядку нам платили сорок эре, а за короткую – двадцать. Чтобы у нас не заболели коленки, мы подвязали длинные холщовые передники. А мы с Бриттой и Анной к тому же повязали головы платками, и мама сказала, что мы похожи на маленьких старушек. Мама дала нам бидон с морсом – вдруг нам захочется пить. Пить нам захотелось сразу же, как только мы пришли на огород. Мы взяли длинные соломинки, стали вокруг бидона на колени и начали тянуть морс через соломинки. Это было так смешно, что мы не заметили, как выпили весь морс. Тогда Лассе взял бидон и сбегал на родник за водой. Мы стали пить через соломинки воду. Это тоже было смешно, хотя и не так вкусно. Наконец Улле повалился на спину и сказал:

– Послушайте, как булькает у меня в животе!

Это булькала вода. Мы все подошли и послушали, как она булькает.

Мы пололи репу и рассказывали по очереди всякие истории. Лассе попробовал рассказывать про привидения, но, когда светит солнце, привидений никто не боится. Тогда Лассе предложил соревноваться, кто знает самые страшные ругательства. Мы, девочки, отказались участвовать в таком глупом соревновании, потому что учительница говорит, что бранятся только очень глупые люди. Лассе начал браниться один, но браниться в одиночку скучно, и он бросил эту затею.

В первый день нам было очень весело полоть, а на второй день – уже не очень, но что делать, мы всё равно должны были прополоть всю репу.

И вдруг Лассе говорит Улле:

– Петрушка сальдо бум-бум.

А Улле отвечает ему:

– Колифинк, колифинк.

И Боссе тоже говорит:

– Мойси дойси филибум арарат.

Мы, конечно, спросили, что это такое, и Лассе сказал, что это особый язык, который понимают только мальчики.

– Для девочек этот язык слишком труден, – сказал он.

– Ха-ха-ха! А вы и сами его не понимаете! – засмеялись мы.

– Прекрасно понимаем! – возразил Лассе. – Я, например, сказал: «Сегодня хорошая погода». Улле ответил: «Конечно, конечно», а Боссе сказал: «Вот здорово, что девчонки не понимают нашего языка».

И они стали разговаривать на своём языке. Тогда Бритта сказала, что у нас тоже есть свой особый язык, который понимают только девочки. И мы начали разговаривать на своём языке. Так мы всё утро и разговаривали на разных языках. Мне показалось, что эти языки очень похожи друг на друга, но Лассе сказал, что наш язык глупый.

– Язык мальчиков гораздо умнее, потому что немного похож на русский, – сказал он.

– Колифинк, колифинк, – опять сказал Улле.

Мы уже успели немножко выучить язык мальчиков и знали, что это означает: «Конечно, конечно». Теперь Бритта, Анна и я зовём его Улле Колифинк.

На третий день, когда мы сели на камни, чтобы позавтракать, небо неожиданно потемнело и началась гроза с градом. Града было столько, что кругом всё побелело, как зимой. Мы побежали, но бежать по градинам было очень холодно: ведь мы были босиком.

– Бежим к Кристин, здесь близко! – крикнул Лассе.

Мы так и сделали. Мы почти всегда слушаемся Лассе.

Кристин живёт в маленьком красном домике недалеко от наших огородов. Мы побежали к ней. К счастью, она оказалась дома. Кристин совсем старая и немного похожа на нашу бабушку. Она очень-очень добрая. Мы часто ходим к ней в гости.

– Гости дорогие, гости золотые! – воскликнула Кристин, всплеснув руками, а потом, увидев, какие мы мокрые, добавила: – Ах-ах! Бедные мои детки!

Она развела огонь в очаге, который занимает почти половину комнаты, мы сняли мокрую одежду и стали греть у огня ноги. А Кристин пекла нам вафли в старой вафельнице, которую засовывала прямо в огонь. И ещё она сварила нам кофе в трёхногой кастрюльке, стоявшей среди углей.

У Кристин есть три кошки. У одной из них недавно родились котята. Они лежали в корзинке и жалобно пищали. Они нам очень понравились. Их было четверо, и Кристин сказала, что трёх придётся отдать, иначе у неё будет столько кошек, что в доме не останется места для неё самой.

– Можно, мы возьмём их себе? – спросила Анна.

– Можно-то можно, – сказала Кристин, – только вот что скажут ваши мамы, когда вы принесёте котят домой?

– Мамы очень обрадуются, – сказала Бритта, – потому что котят все любят.

И мы попросили Кристин, чтобы она дала нам котят на пробу. На каждый дом в Бюллербю пришлось по котёнку. Нам котёнка выбрал Лассе – полосатого с белым пятнышком на лбу. Бритта с Анной выбрали себе белого котёночка без единого пятнышка, а Улле – чёрного-пречёрного.

Когда наша одежда высохла, мы понесли котят домой. Хорошо, что у кошки тоже остался один котёночек, а то ей было бы очень грустно.

Мы назвали своего котёнка Муриком, Бритта с Анной – Принцессой, а Улле – Малкольмом. И все наши мамы, конечно, разрешили нам оставить котят. Мне очень нравится играть с Муриком. Я привязываю к верёвке бумажку и бегаю с ней, а Мурик бегает за бумажкой и пытается её поймать. Лассе и Боссе раньше тоже играли с Муриком, но потом им это надоело. Кормлю Мурика только я. Он лакает молоко, которое я наливаю ему на блюдце. Конечно, он пьет не так, как люди, – он высовывает розовый язычок и лижет молоко. Кроватку я ему устроила в корзине, постелив туда мягкую тряпочку. Иногда мы выпускаем Мурика, Принцессу и Малкольма на лужок поиграть друг с другом. Всё-таки они

родственники, и им, наверно, приятно повидаться.

За прополку я получила девять крон и ещё сорок эре за уборку ботвы. Все деньги я положила в копилку, потому что коплю на велосипед. На красный велосипед.

Как Улле приобрёл собаку

У нашего Улле нет ни братьев, ни сестёр. Зато у него есть своя собака. Ну и ещё, конечно, Малкольм. Его собаку зовут Быстрый. Я вам расскажу, как Быстрый попал к Улле.

Недалеко от Бюллербю живёт сапожник по прозвищу Добряк. Но это прозвище ничего не значит, потому что сапожник вовсе не добрый. На самом деле он очень злой. Он, например, никогда не чинит наши башмаки в срок, даже если обещает. Агда говорит, это потому, что он пьяница. Раньше Быстрый жил у него. Сапожник плохо с ним обращался, и Быстрый был самым злым псом в округе. Он всегда сидел на цепи и громко лаял, когда к сапожнику приходили люди. Мы его очень боялись и близко к будке не подходили. Сапожника мы тоже боялись. Он угрюмый, мрачный и говорит, что детей надо сечь каждый день. Он и Быстрого частенько бил, хотя Быстрый был не ребёнок, а собака. И забывал накормить его, когда напивался.

Пока Быстрый жил у сапожника, мы думали, что это очень злобный и некрасивый пёс. Такой он был всегда грязный, косматый и страшный. Теперь-то мы знаем, какой он хороший. Но добрым он стал только благодаря нашему Улле. Ведь и сам Улле тоже очень добрый.

А было всё так.

Однажды Улле понёс сапожнику в починку свои башмаки. Быстрый, как обычно, с лаем выскочил из будки. Вид у него был такой свирепый, будто он хочет

разорвать Улле. Улле остановился и стал с ним разговаривать. Он сказал Быстрому, что тот славный, добрый пёс, только очень громко лает. Конечно, Улле стоял так, чтобы Быстрый до него не дотянулся, потому что Быстрый был совсем не похож на славного, доброго пса.

На другой день Улле пришёл за своими башмаками и принёс Быстрому кость. И хоть Быстрый рычал на Улле, кость всё-таки стал грызть. Наверно, ему очень хотелось есть. А Улле стоял поодаль и опять говорил Быстрому, какой он славный и добрый.

Улле пришлось много раз ходить за своими башмаками, потому что сапожник всё время его обманывал. Каждый раз Улле приносил Быстрому что-нибудь поесть. И, представьте себе, в один прекрасный день Быстрый уже не зарычал на него, а радостно залаял. Тогда Улле подошёл к Быстрому и погладил его, а Быстрый лизнул ему руку.

Однажды сапожник упал и вывихнул себе ногу. Он не мог ходить и совсем перестал кормить Быстрого. Улле пожалел Быстрого, он пошёл к сапожнику и попросил разрешения кормить собаку, пока у сапожника болит нога. Но сапожник сказал:

– Ха, нашёл кого кормить! Да он тебе глотку перегрызёт, как только ты к нему подойдёшь!

Но Улле подошёл к Быстрому и погладил его, а сапожник сидел у окна и всё видел. Тогда он разрешил Улле кормить Быстрого.

Улле вычистил будку, застлал её свежим сеном, вымыл миску, налил в неё свежей воды и накормил Быстрого. А потом повёл его на прогулку в Бюллербю.

И Быстрый прыгал от радости, потому что ему очень надоело сидеть на цепи. Каждый день Улле водил Быстрого на прогулку. Мы тоже гуляли с ними, но Быстрый любил только Улле и никому, кроме Улле, не позволял водить себя на поводке.

Когда нога у сапожника зажила, он сказал Улле:

– Хватит валять дурака! Это сторожевая собака, и она должна сидеть на цепи!

Быстрый ждал, что Улле, как обычно, возьмёт его на прогулку, и прыгал от радости. Но когда Улле ушёл без него, ему стало грустно, и он жалобно завыл. Так нам рассказывал сам Улле. Улле тоже было грустно, и несколько дней он ходил сам не свой. Наконец его папа, дядя Нильс, не выдержал, пошёл к сапожнику и купил у него Быстрого. Мы все прибежали к Улле смотреть, как он моет свою собаку. И даже помогли ему немножко. Когда Быстрый был вымыт, вытерт и причёсан, он стал похож на обычного пса.

Теперь он всегда добрый, и его больше не нужно водить на поводке. Ночью он спит возле кровати Улле. А когда мы возвращаемся из школы, Быстрый встречает нас на полпути и несёт в зубах портфель Улле. Но к дому сапожника он близко не подходит. Наверно, боится, что сапожник поймает его и снова посадит на цепь.

Хорошо иметь собственную собаку, но иметь дедушку тоже неплохо

Каждому человеку приятно иметь собственное животное. Мне бы тоже хотелось, чтобы у меня была своя собака, но у меня её нет. А вообще-то у нас в Бюллербю много всяких животных. Есть лошади, коровы, телята, свиньи и овцы. Ещё моя мама держит кур. Это называется «Куриная ферма Бюллербю». Мама продаёт яйца всем, кто хочет, чтобы у них вывелись цыплята. Одного из наших коней зовут Аякс, и считается, что он мой. Но ведь это не по-настоящему, не так, как Быстрый у Улле. По-настоящему мои только кролики. Они живут в клетке, которую сделал папа, и я каждый день кормлю их травой и листьями. Зимой

я перетаскиваю клетку с кроликами в амбар. Они приносят очень много крольчат, и я продаю их Лассе и Боссе. Одно время у Боссе тоже были кролики, но потом они ему надоели. Ему надоедает все, кроме птичьих яиц.

У нас в саду есть старое-престарое дерево. Мы зовём его Совиным, потому что там живут совы. Однажды Боссе влез на Совиное дерево и стащил у совы яйцо. Всего в гнезде было четыре яйца, так что у совы осталось три. Боссе выдул из яйца всё содержимое и добавил яйцо в свою коллекцию. Потом он решил подшутить над совой и подсунул ей в гнездо куриное яйцо. Очень странно, но сова ничего не заметила. Она сидела на яйцах, пока в один прекрасный день из них не вылупились три совёнка и один цыплёнок. Сова ужасно удивилась, когда обнаружила, что один из её детей похож на жёлтый пушистый комочек! Боссе испугался, что она станет обижать цыплёнка, и забрал его из гнезда.

– Это мой цыплёнок, а не её! – сказал он.

Он привязал цыплёнку к лапке красную тряпочку, чтобы не спутать его с остальными, и пустил к маминым цыплятам. Цыплёнка он назвал Альбертом, но, когда тот подрос, оказалось, что он вовсе не петушок, а курочка. Тогда Боссе переименовал Альберта в Альбертину. Теперь Альбертина уже взрослая курица, и когда Боссе ест яйца, он говорит, что это яйцо Альбертина снесла специально для него.

Альбертина летает гораздо выше, чем все остальные курицы. Боссе говорит, это потому, что она родилась в совином гнезде.

Однажды Лассе решил тоже завести собственных животных. Он поставил в свинарнике три мышеловки, поймал шестнадцать мышей и посадил их в бочку. На бочке он написал мелом: «Мышиная ферма Бюллербю». Но ночью все мыши сбежали, и мышиная ферма перестала существовать.

– А зачем тебе мышиная ферма? Ведь мыши яиц не несут, – сказала Бритта.

– Ну и что же! – ответил Лассе. – Мне хотелось, чтобы у меня была своя ферма. – Он очень огорчился, что мыши убежали.

А вот у Бритты и Анны нет ни собаки, ни кроликов. Зато у них есть дедушка. Он очень добрый. Наверно, это самый добрый дедушка на свете. Мы все зовём его дедушкой, хотя дедушкой он приходится только Бритте и Анне. У него есть своя комната на втором этаже. Очень симпатичная комната и очень симпатичный дедушка. И мы все бегаем к нему, когда у нас нет никаких других дел. Дедушка всегда сидит в качалке. У него длинная седая борода, как у томте[1 - То?мте – персонаж шведского фольклора, похож на нашего домового.].

Он очень плохо видит и не может читать ни книг, ни газет. Но это не страшно – он и так знает всё, что в них написано. Он часто рассказывает нам всякие старинные истории, а ещё про то, как жили люди, когда он был маленький. А мы, Бритта, Анна и я, читаем ему вслух газету – кто умер, кому сколько лет исполнилось, что где случилось и всякие другие объявления. Когда мы читаем, что где-то ударила молния, дедушка рассказывает нам, как ударяли молнии в прежние времена. А если мы читаем, что кого-то забодал бык, дедушка рассказывает нам про своих знакомых, которые тоже угодили быку на рога. Поэтому мы читаем газету очень долго. Иногда газету дедушке читают мальчики. Но он больше любит, чтобы читали мы. Мальчишки ленятся и пропускают много интересного.

У дедушки в шкафу есть ящик с разными инструментами, и он разрешает мальчикам ими пользоваться. Он даже помогает им выстругивать кораблики, хотя и плохо видит. И оловянных солдатиков мальчики всегда расплавляют только у дедушки в печке.

В гардеробе у дедушки всегда стоит ящик с яблоками, вернее, не всегда, а только когда яблоки созревают. И когда мы к нему приходим, он всегда угощает нас яблоками. А мы покупаем ему леденцы от кашля в Большой деревне, где находится наша школа. У него в угловом шкафчике всегда лежит пакет с леденцами. Дедушка угощает нас и леденцами, и яблоками.

А ещё на окне у дедушки растёт пеларгония, и он сам за ней ухаживает. Он даже разговаривает с ней. На стенах у него висят картины, очень красивые. Мне особенно нравятся две. На одной нарисован пророк Иона в брюхе у кита, а на другой – человек, которого душит уползший из зверинца удав. Эта картина не такая красивая, зато она очень страшная.

В хорошую погоду дедушка выходит погулять. У него есть палка, которой он нащупывает дорогу. Летом он любит сидеть под большим вязом, что растёт на лужайке перед их домом. Дедушка греется на солнышке и время от времени произносит:

– О-хо-хо!

Мы у него спросили, почему он всегда говорит «О-хо-хо!», и он сказал нам, что он говорит так, когда вспоминает свою молодость. Я думаю, это было ужасно давно.

Мы все очень рады, что у нас есть такой добрый дедушка. По-моему, иметь дедушку даже лучше, чем собаку.

Мальчишки не умеют хранить тайны

Вскоре после того, как мы пропололи репу, начался сенокос.

– В этом году я не позволю детям бегать на сеновал и прыгать по сену, – сказал папа. Он говорит это каждый год, но никто не верит, что всерьёз.

С утра до вечера мы катались на возах с сеном и прыгали на сеновале. Лассе предложил соревноваться: кто прыгнет выше всех. Конечно, сверху вниз, а не снизу вверх. Мы влезли на балку под самой крышей и прыгнули вниз. От страха у меня даже в животе защекотало. Лассе обещал, что победитель получит в награду тянучку, которую он купил, когда ходил в лавку за дрожжами для мамы. Мы прыгали, прыгали и прыгали. В конце концов Лассе забрался выше всех и спрыгнул на крохотную кучку сена. Он упал и некоторое время лежал неподвижно. Потом он сказал, что ему показалось, будто сердце у него ушло в пятки и теперь останется там на всю жизнь. Никто из нас не рискнул прыгнуть с такой высоты. Тогда Лассе засунул тянучку себе в рот и сказал:

– Приз вручён Лассе за смелый подвиг на сеновале!

Как-то раз мы с Бриттой и Анной ехали на возу с сеном и среди каменной россыпи увидели земляничную полянку. Земляники там было видимо-невидимо, я никогда в жизни столько не видела. Мы тут же решили никогда-никогда не рассказывать про это место мальчишкам. Землянику мы, конечно, собрали и нанизали её на соломинки. У нас получилось тринадцать длинных соломинок. Вечером мы её съели. Лассе, Боссе и Улле мы тоже угостили земляникой, но, когда они спросили, где мы её набрали, мы ответили:

– Этого вы никогда не узнаете, потому что это наша тайна!

Несколько дней мы с Бриттой и Анной искали новые земляничные полянки и на сеновал больше не приходили. А мальчишки играли там каждый день, и мы всё удивлялись, как им это не надоест.

Однажды мы сказали им, что у нас есть уже семь земляничных полянок, но им не покажем ни одной, это наша тайна.

– Ха-ха-ха! Ваша тайна ничего не стоит по сравнению с нашей! – сказал Улле.

– А какая у вас тайна? – спросила Бритта.

– Так мы вам и сказали! – засмеялся Улле.

Но Лассе возразил ему:

– Наоборот! Пусть знают. Как же они иначе убедятся, что наша тайна гораздо важнее, чем их?

– Ну, скажите, скажите, какая у вас тайна? – стали просить мы.

– Пожалуйста! Если хотите знать, мы вырыли в сене девять пещер! – сказал Лассе.

– Но где, вы не узнаете никогда! – воскликнул Боссе и запрыгал на одной ножке.

– А мы их найдём! – сказали мы и побежали на сеновал искать пещеры.

Мы искали весь тот день и весь следующий, но не нашли ни одной пещеры. А мальчишки важничали и смеялись над нами. Наконец Лассе сказал:

– Лучше сдавайтесь, всё равно вам их не найти. Чтобы их найти, нужна карта, а она хранится в надёжном месте.

– Что ещё за карта? – спросили мы.

– Обыкновенная. На ней указаны все пещеры. Мы сами её начертили, – сказал Лассе. – Она хранится в нашем тайнике.

Тогда мы с Бриттой и Анной бросили искать пещеры и стали искать карту. Мы знали, что она спрятана где-нибудь у нас дома. Лассе никогда не согласился бы спрятать её в другом месте. Несколько часов мы рылись в комнате Лассе и Боссе, перетрясли постели, перерыли комод и шкаф, но ничего не нашли. Тогда мы попросили Лассе:

– Подскажи хотя бы, к чему эта карта ближе спрятана: к птицам, к рыбам или серединка на половинку?

Мы всегда так подсказываем друг другу, когда играем в «холодно-горячо».

Лассе, Боссе и Улле долго смеялись, а потом Лассе сказал:

– Да, пожалуй, к птицам. Лопни мои глаза, если не к птицам!

И мальчишки стали перемигиваться. Мы осмотрели лампу, отогнули сверху ковёр, который висел на стене, – ведь карта была спрятана где-то высоко, раз это ближе всего к птицам, – но там ничего не было.

Лассе сказал:

– Лучше сдавайтесь! Всё равно вам её никогда не найти!

И мы перестали искать.

На другой день шёл дождь, и гулять было нельзя. Лассе и Боссе куда-то убежали. Я пошла к ним в комнату и полезла по липе к Улле, чтобы взять у него почитать «Тысячу и одну ночь».

Раньше у нас на липе в маленьком дупле жила птичка. Там у неё было гнездо. Но теперь в нём уже никто не живёт. Когда я лезла мимо дупла, я увидела, что оттуда свешивается какой-то шнурок. «Интересно, зачем птице шнурок?» – подумала я и дёрнула за него. Оказалось, что к шнурку привязана бумага, свёрнутая трубочкой. Представьте себе, это и была карта! От радости я чуть не свалилась с дерева. Я забыла про «Тысячу и одну ночь», вернулась в комнату Лассе и Боссе и со всех ног побежала к Бритте и Анне. Я так торопилась, что на лестнице упала и расшибла коленку.

Если бы вы только видели, как обрадовались Бритта и Анна! Мы тут же побежали на сеновал и с помощью карты отыскали все пещеры. Кроме пещер, мальчишки проделали в сене ещё и коридоры, они тоже были обозначены на карте. Когда ползёшь по такому длинному тёмному коридору, кажется, что он никогда не кончится. И от этого становится очень страшно.

Но темно было только в коридорах, а в самих пещерах было светло, потому что мальчишки вырыли их у стен, а в стенах много щелей. Мы сразу поняли, какие это замечательные пещеры и как трудно было их вырыть. Пока мы искали земляничные полянки, мальчишки работали не покладая рук. К последней пещере вёл такой длиннющий коридор, что мы испугались: а вдруг мы уже никогда из него не выберемся? Я ползла первая, за мной – Бритта, за Бриттой – Анна.

– Вот увидите, это лабиринт, из которого нет выхода, – сказала Бритта.

Но тут я заметила впереди что-то светлое. Это была пещера. А в ней сидели Лассе, Боссе и Улле! Они ужасно удивились, когда увидели нас.

– Как вы сюда попали? – спросил Лассе.

– Очень просто, по карте! – ответила я. – Найти её не составило труда!

И нам было приятно, что хоть на этот раз Лассе немного смутился. Подумав, он сказал:

– Ладно! Пусть девчонки играют с нами!

И весь день, пока шёл дождь, мы играли в пещерах, и нам было очень весело. А назавтра Лассе сказал:

– Ну раз вы узнали нашу тайну, вы обязаны показать нам свои земляничные полянки.

– Вот ещё! – сказали мы. – Найдите их сами, так же как мы нашли ваши пещеры!

Но чтобы им было легче искать, мы положили на дороге деревянные стрелки. Расстояние между стрелками было большое, и мальчишки не сразу нашли наши полянки. Но самую лучшую полянку мы им так и не показали. Это наша тайна, и мы никогда-никогда её не откроем.

Мы ночуем на сеновале

Как-то раз Боссе похвастался:

– А мы с Лассе будем сегодня ночевать на сеновале! И Улле тоже, если ему разрешит мама.

– На сеновалах ночуют только бродяги, – сказала я.

– Ничего подобного! Нам мама разрешила, – сказал Боссе.

Я побежала к Бритте и Анне и сообщила им эту новость.

– Тогда и мы будем ночевать на сеновале, – сказали они. – На нашем. Хочешь с нами?

Конечно, я согласилась, ведь ночевать на сеновале очень интересно! Жаль только, что придумали это мальчишки, а не мы. Я побежала к маме и спросила у неё разрешения. Она сказала, что маленьким девочкам не следует ночевать на сеновале, но я возразила, что и девочкам тоже хочется иногда повеселиться, точно так же, как мальчикам. И тогда мама разрешила.

Мы никак не могли дождаться вечера. Лассе сказал:

– И вы тоже собираетесь ночевать на сеновале? А не струхнёте? Вдруг туда явится привидение?

– Сами вы струхнёте! – ответили мы и стали готовить себе на ночь бутерброды.

Мальчишки, конечно, собезьянничали и тоже сделали себе бутерброды.

В восемь часов мы отправились на сеновал. Мальчишки ночевали на нашем сеновале, а мы – у Бритты и Анны. Нам дали попоны, чтобы завернуться в них. А Улле Колифинк взял с собой своего Быстрого. Всё-таки хорошо тому, у кого есть собака!

– Спокойной ночи, бродяжки! – сказал папа.

А мама прибавила:

– Не забудьте утром прийти ко мне за молоком. Настоящие бродяги всегда так делают.

Когда мы прощались с мальчиками, Лассе сказал:

– Спите спокойно… если сможете. В прошлом году на том сеновале видели гадюку. Теперь мы узнаем, по-прежнему ли она там живёт.

А Боссе сказал:

– Может, живёт, а может, и нет. Но уж полевых мышей там видимо-невидимо, это точно. Бр-р, они такие противные!

– Бедные детки, – сказали мы мальчишкам. – Если вы так боитесь маленьких полевых мышек, лучше вам вернуться домой и лечь в свои постельки!

И мы ушли, взяв попоны и бутерброды. На дворе было ещё светло, но на сеновале уже почти ничего не было видно.

– Чур, я посерёдке! – крикнула я.

И мы улеглись на сено. Пахло оно изумительно, вот только очень сильно кололось. Правда, когда мы завернулись в попоны, оно перестало колоться.

Мы лежали и разговаривали про настоящих бродяг, которые всю жизнь ночуют на сеновалах. Анна не сомневалась, что это должно быть приятно. Спать нам нисколько не хотелось, и мы решили поесть. Надо было съесть бутерброды, пока на сеновале не стало совсем темно. А темнело быстро. Вскоре мы уже не могли разглядеть даже собственные руки, хотя держали их прямо перед глазами.
Я радовалась, что лежу в серединке, потому что на сеновале вдруг что-то подозрительно зашуршало. Анна и Бритта придвинулись ко мне поближе.

– А что, если сюда придёт настоящий бродяга? Возьмёт и не станет ни у кого спрашивать разрешения, – прошептала Бритта.

Мы притихли. И тут раздался вой. Жуткий вой! Как будто завыли тысяча привидений. Просто не понимаю, как мы не умерли от страха. Но мы не умерли. Зато мы заорали. Если бы вы только слышали, как захохотали Лассе, Боссе

и Улле! Конечно, это выли они. И шуршали сеном тоже они, когда подбирались к нам поближе. Бритта сказала, что пугать людей опасно, потому что, когда человек пугается, у него в жилах может застыть кровь, и она обещала пожаловаться на них маме.

Но Лассе усмехнулся:

– Подумаешь, мы же пошутили!

А Боссе добавил:

– Ябеда солёная.

Анна сказала, что она даже чувствует, как у неё в жилах уже немножко застыла кровь.

Наконец мальчишки ушли на свой сеновал. Мы посовещались, стоит ли и нам прокрасться туда и тоже напугать их, но уж очень хотелось спать.

Разбудил нас петух и ещё холод. Мы застыли как ледышки. Который час, мы не знали, но были уверены, что давно пора вставать. Возле нашего дома мы увидели Лассе, Боссе и Улле. Они тоже замёрзли, и мы все побежали к нам на кухню греться. Оказалось, что дома все ещё спят. Часы показывали половину пятого. Вскоре у Агды зазвенел будильник. Она встала доить коров. И накормила нас всех парным молоком с булочками.

А потом я пошла спать. По-моему, люди очень умно делают, что спят в кроватях. Всё-таки это удобнее, чем на сеновале!

Мы с Анной решаем убежать из дому

Больше всех я люблю играть с Анной. Мы с ней придумываем разные игры, о которых никто, кроме нас, не знает. Иногда мы играем, будто мы взрослые, и ходим друг к другу в гости. Анну зовут фру Бенгтсон, а меня – фру Ларссон. Анна делает неприступный вид и говорит, как важная барыня. Я тоже стараюсь говорить по-взрослому. Иногда мы играем, будто фру Бенгтсон и фру Ларссон ссорятся. Тогда Анна говорит:

– Будет просто прекрасно, фру Ларссон, если вы заберёте домой своих несносных детей! – Несносными детьми она называет моих кукол.

А я ей отвечаю:

– Я считаю, фру Бенгтсон, что ваши дети ещё более несносные, чем мои!

Потом они мирятся, ходят вместе по магазинам и покупают шёлк, бархат и конфеты. Мы нарисовали игрушечные деньги и на них всё покупаем. И мы очень боимся, что мальчишки услышат, как мы играем во фру Бенгтсон и фру Ларссон, и станут над нами смеяться. А вот дедушки мы не боимся, он не будет смеяться, он сам иногда играет с нами и продаёт нам разные вещи за наши игрушечные деньги.

В дождливую погоду мы с Анной обычно сидим у дедушки и читаем ему газету. Дедушка был совсем маленький, когда у него умерли папа и мама. Ему пришлось жить у чужих людей, и они очень плохо с ним обращались. Его заставляли много работать, хотя он был ещё ребёнок, часто наказывали и держали впроголодь. Дедушке это надоело, и он убежал. Он пережил много всяких приключений, пока не попал наконец к добрым людям.

Однажды в такой день, когда мы сидели у дедушки и читали ему газету, Анна попросила:

– Дедушка, расскажи, как ты убежал из дому!

– Да ведь вы уже сто раз про это слышали.

– А мы хотим ещё! – настаивали мы, и дедушка стал рассказывать.

Когда он кончил, Анна сказала:

– Как интересно! Мне тоже хочется убежать из дому!

– Но ведь ты живёшь не у злых людей, – возразила я.

– Ну и что? Можно убежать, а потом вернуться.

– Тогда давай убежим!

– Дедушка, как ты думаешь, убежать нам или нет? – спросила Анна.

Дедушка сказал, что ненадолго убежать, пожалуй, можно. Так мы и решили. Бежать нужно было, конечно, ночью, чтобы ни одна живая душа не узнала про наш побег. Дедушка обещал хранить тайну.

Я засыпаю очень быстро, поэтому я боялась, что просплю время, когда надо будет бежать. Но Анна сказала:

– Ну и спи себе на здоровье! Только привяжи к ноге верёвку и спусти конец за окно. Когда придёт время, я дёрну за верёвку и ты проснёшься.

Сама Анна собиралась наломать можжевельника и положить его в постель, чтобы не заснуть слишком крепко.

Потом мы спросили у дедушки, что берут с собой, когда убегают из дому. Он сказал, что надо взять немного еды и немного денег, если они есть. Мы решили бежать той же ночью и начали собираться. Я пошла к маме и попросила разрешения сделать несколько бутербродов.

Мама удивилась:

– Неужели ты уже проголодалась? Ведь мы недавно обедали.

Я не могла объяснить маме, зачем мне бутерброды, и потому промолчала. Потом я достала из копилки несколько крон и спрятала их под подушку. И наконец

я нашла длинную верёвку, чтобы привязать к ноге.

Вечером мы все играли в лапту, а когда подошло время ложиться спать, мы с Анной подмигнули друг другу и прошептали:

– Ровно в половине одиннадцатого!

Крепче, чем обычно, я обняла папу и маму, когда желала им доброй ночи, потому что боялась, что теперь долго их не увижу.

Мама сказала:

– Доченька, завтра утром мы с тобой будем собирать смородину.

И мне стало очень жалко маму: ведь завтра утром у неё уже больше не будет доченьки.

Я поднялась к себе, привязала к ноге верёвку, спустила конец за окно и легла, чтобы поскорей заснуть и успеть выспаться до побега.

Вообще, я засыпаю очень быстро. Но в этот вечер, как я ни старалась, сон не приходил. При каждом моём движении верёвка натягивалась и дёргала меня за ногу. И ещё я думала о маме. Что она скажет утром, когда увидит, что меня нет. Я даже заплакала от жалости к ней. И плакала очень долго.

Проснулась я оттого, что меня дёргали за ногу. «Это Анна!» – подумала я.

– Иду, иду, Анна! – закричала я и подбежала к окну.

На небе сверкало солнце. А внизу, под окном, стоял Лассе и дёргал за верёвку. Я ужасно рассердилась.

– Перестань сейчас же! – закричала я.

Но Лассе продолжал дёргать.

– Перестань!

– Почему? – удивился Лассе.

– А потому что верёвка привязана к моей ноге!

Лассе засмеялся:

– Ну и рыбку я поймал!

Потом он пожелал узнать, зачем я привязала к ноге верёвку. Но я ничего не сказала и помчалась к Анне. Я очень боялась, что она убежала без меня. Бритта сидела на крыльце и играла с Принцессой.

– Где Анна? – спросила я.

– Спит, – ответила Бритта.

Я поднялась к ним в комнату и увидела Анну. Она даже похрапывала. Я стала привязывать к её ноге верёвку, но она проснулась.

– Ой! Который час? – спросила она.

Когда Анна узнала, что уже восемь, она онемела от удивления. Через несколько минут она сказала:

– Если у человека бессонница, он должен класть в постель можжевельник. Знаешь, как от него спится!

Когда мы после завтрака пришли читать дедушке газету, он был изумлён.

– Что случилось? Разве вы не убежали? – спросил дедушка.

– Мы убежим в другой раз, – сказали мы.

Мы строим игрушечный домик

В конце концов нам надоело играть на сеновале. Лассе, Боссе и Улле каждое утро куда-то исчезали. Мы не знали куда, но не обращали на это внимания, нам и без них было весело. В саду за Южной усадьбой было много скалистых холмиков и камней. Там мы и играли. Бритта, Анна и я. Однажды Бритта предложила нам построить в расселине игрушечный домик. Там как раз было место для одной комнаты.

Как же нам это понравилось! Мы сделали совершенно замечательный домик, такого у нас ещё никогда не было. Я попросила у мамы два небольших лоскутных коврика, и она тут же дала их нам. Мы положили их на камни, и у нас стало ещё больше похоже на настоящую комнату. Потом мы взяли ящики из-под сахара и соорудили из них буфет. А квадратный ящик посреди комнаты служил нам столом. Бритта принесла клетчатый платок своей мамы, и мы застелили им стол. Потом мы принесли свои скамеечки и сели вокруг стола. Кроме того, я принесла свой красивый кукольный сервиз для кофе, а Анна – маленький кувшин для сока с тремя стаканчиками. Всё это мы поставили в буфет, но сперва мы застелили полки в буфете цветной бумагой, чтобы всё было как настоящее. Потом мы нарвали колокольчиков и ромашек и поставили на стол в банке с водой. Ой, какая это была красота!

В тот день Агда пекла хлеб и плюшки, мы воспользовались случаем и напекли маленьких-премаленьких плюшечек. А потом уселись в своём домике вокруг стола, пили кофе из моих чашек и ели плюшечки. И Анна угощала нас соком из своего кувшина.

Мы представляли, что Бритта хозяйка дома и её зовут фру Андерссон, я была служанка и меня звали Агда, а Анна была хозяйской дочкой. Ещё мы набрали малины, которой здесь росло видимо-невидимо, выжали её через тряпку и играли, будто мы делаем сыр. Бритта, то есть фру Андерссон, сказала мне:

– Агда, когда же ты научишься делать сыр?

А я отвечала:

– Фру Андерссон может сама делать свой старый вонючий сыр.

Не успела я это сказать, как увидела шевелюру Боссе, торчащую из-за большого камня, и прошептала Бритте и Анне:

– Мальчишки подглядывают за нами!

И тогда мы хором закричали:

– Мы вас видим, можете больше не прятаться!

И из-за камня выскочили Лассе, Боссе и Улле. Они дурачились и передразнивали нас:

– И как это Агда никак не научится делать старый сыр фру Андерссон!

Они долго не оставляли нас в покое, и потому в тот день мы больше уже не могли играть в нашем домике. Лассе предложил играть в мяч, и мы все стали играть в мяч. Хотя Лассе по глупости всё время приговаривал:

– И как это фру Андерссон не может скакать немного быстрее! Берегитесь мяча, фру Андерссон!

Я же говорила, что мальчишки не умеют хранить тайны

На следующий день Лассе, Боссе и Улле скрылись с самого утра. А мы играли в куклы. Потом нам куклы надоели, и мы стали гадать, куда подевались мальчишки. Тут мы вспомнили, что вот уже целую неделю видим их только по вечерам, когда они играют с нами в лапту. И ещё во время обеда.

– Надо их выследить, – сказала Бритта.

– Правильно, – согласились мы с Анной. – Надо узнать, чем они занимаются!

Перед обедом мы уселись на крыльцо и стали ждать. Чтобы мальчишки не заподозрили, что мы за ними следим, мы делали вид, будто играем в куклы. Первым появился Лассе. Потом – Боссе. А потом и Улле. Но они прибежали с разных сторон. И мы сразу догадались, что они опять что-то от нас скрывают. Иначе они пришли бы все вместе. Но мы даже не взглянули в их сторону, чтобы они не догадались, что мы за ними шпионим.

После обеда мы снова вернулись на крыльцо. Вскоре из дома вышел Лассе. Мы играли в куклы. Лассе мимоходом погладил Мурика и незаметно юркнул за угол. Мы побросали куклы и помчались в мою комнату, чтобы следить за ним из окна.

Лассе шёл и украдкой оглядывался. Вот он пробрался через кусты смородины и перепрыгнул через каменную ограду. Больше мы его не видели. Зато появился Боссе. Он осторожно крался по саду в том же направлении, что и Лассе.

– Внимание, теперь очередь Улле! – сказала Бритта. – Бежим спрячемся в смородине!

Так мы и сделали. Заползли в кусты и притихли. Вскоре мы увидели Улле. Он пробежал от нас так близко, что мы могли бы схватить его за ногу. Нас он не заметил. Мы поползли следом.

Сразу за нашим садом начинается большой луг. На нём есть густые заросли орешника, можжевельника и других кустов. Растут там и деревья. Папа часто говорит, что всё это надо вырубить, чтобы коровам было лучше пастись. Но надеюсь, что он этого не сделает, потому что в этих зарослях очень хорошо играть.

Мы крались за Улле, пока не потеряли его из виду. Нам было досадно. Мы знали, что мальчишки где-то здесь, на лугу, а найти их не могли. И вдруг Анна сказала:

– Я знаю, что надо сделать! Приведём сюда Быстрого, он в два счёта найдёт Улле!

Мы с Бриттой страшно обрадовались. Втроём мы побежали к тёте Лизе и попросили разрешения взять Быстрого на прогулку. Тётя Лиза, конечно, разрешила.

Когда Быстрый понял, что его берут гулять, он весело залаял. А мы сказали ему:

– Быстрый, ищи, где Улле?

И Быстрый побежал, нюхая землю. А мы – за ним. Он пробрался через смородиновые кусты, выбежал на луг и помчался к зарослям орешника. Он ни разу не остановился и привёл нас прямо к Улле. Рядом с Улле стояли Лассе и Боссе. Тут их тайна и раскрылась. Оказывается, они построили в кустах свой домик и прятались в нём.

Мальчишки были так удивлены, что нам стало смешно.

– Ха-ха-ха! – засмеялись мы. – Лучше и не пытайтесь заводить от нас тайны. Мы их всё равно раскроем!

– Подумаешь, с собакой каждый дурак найдёт кого хочешь! – сказал Лассе.

А Быстрый думал, что отличился на славу, и прыгал от радости. И мы пообещали принести ему на ужин костей.

Домик у мальчишек был что надо. Они наколотили досок вокруг четырёх деревьев, которые стояли квадратом, так что в каждом углу домика стояло дерево, а поскольку досок на все стены у них не хватило, они наломали можжевельника. Потом из небольших досок настелили крышу и покрыли её старой попоной.

– Ну как, примем девчонок в игру или нет? – спросил Лассе у Боссе и Улле.

– А ты как считаешь? – спросили они, им хотелось сначала узнать его мнение.

Лассе сказал, что нас можно принять.

И мы стали играть с ними в индейцев. Лассе был вождём, его звали Могучий Леопард, Боссе звали Быстрый Олень, а Улле – Летящий Сокол. Бритту они назвали Ревущей Медведицей, Анну – Жёлтой Волчицей, а меня – Голодной Лисой. Мне хотелось придумать себе имя покрасивее, но Лассе не разрешил. Очага в шалаше, конечно, не было, но мы играли, как будто он есть. А мы сидим вокруг и курим «трубку мира». «Трубкой мира» была тянучка. Я не удержалась и откусила маленький кусочек. У мальчишек были луки со стрелами. Нам они тоже сделали луки. Лассе сказал, что тут поблизости есть другое индейское племя – команчей. Команчи злы и коварны, их следует убивать. Мы взяли луки и с диким воем побежали на луг.

Там вдалеке паслись наши коровы. Лассе сказал, что это и есть команчи.

– Их и зовут почти одинаково: ко?ровы, ко?манчи, – сказал он.

Если бы вы только видели, как команчи удирали от нас! Лассе кричал им вслед что-то по-индейски, но, по-моему, они его не поняли.

Снова школа

Летние каникулы всегда длятся так долго, что я, по крайней мере, успеваю соскучиться по школе и радуюсь, когда начинаются занятия. А вот Боссе ни капельки не радуется. Он говорит, что напишет королю и попросит его закрыть все школы. Но я думаю, король его не послушается. Я люблю нашу школу. И учительницу. И ребят. И учебники. Все учебники я обернула в цветную бумагу и сверху наклеила глянцевые картинки. А Лассе и Боссе никогда не обёртывают учебников, пока мама или учительница их не заставят. Они даже рисуют в учебниках или наклеивают в них фотографии из газет и журналов. Лассе,

например, в учебнике по географии приклеил китайским крестьянам, сажающим рис, головы шведских хоккеистов и сказал, что теперь география стала гораздо интереснее и по ней легче учиться.

Мы все, дети из Бюллербю, всегда ходим в школу вместе. Наша школа находится в другой деревне, которая называется Большая деревня. До Большой деревни далеко, и мы выходим из дому в семь часов. Нам дают с собой молоко и бутерброды, которые мы съедаем на большой переменке. А иногда Лассе, Боссе и Улле съедают свой завтрак ещё по пути в школу.

– Не всё ли равно, где его нести, в животе или в сумке, – говорит Лассе.

Наша учительница живёт в школе на втором этаже. У неё есть пианино и много-много книг и ещё маленькая смешная кухня. Мы помогаем учительнице носить наверх дрова. Она даёт нам почитать книги, а иногда угощает нас какао.

Однажды учительница заболела, и занятий в этот день не было. Все дети, кроме нас, из Бюллербю, знали об этом, потому что у них в Большой деревне есть телефон, а у нас в Бюллербю – нет. Мы пришли и увидели, что школа заперта, а ребят и учительницы нет. Сначала мы не знали, что делать, а потом догадались подняться и постучать к учительнице.

– Войдите! – сказала учительница.

И мы вошли. Она лежала в постели и была очень больна. И почему-то никто не пришёл приготовить ей обед. Мы предложили учительнице свою помощь. Она, конечно, согласилась. Мальчики побежали за дровами. Бритта растопила плиту и поставила чайник. Я подмела пол и взбила подушки на постели. А Анна приготовила завтрак, поставила его на поднос и отнесла учительнице.

Потом учительница сказала, что ей хотелось бы сделать на обед гуляш, и спросила, сумеем ли мы его приготовить, если она будет нами руководить.

– Мы постараемся, – сказала Бритта. – Может, у нас получится гуляш, а может, что-то немного на него похожее.

Но у нас получился самый настоящий гуляш. Учительница и нас угостила гуляшом, и он правда оказался очень вкусным. Так что теперь я уже знаю, как его готовят, и мне не нужно будет этому учиться, когда я вырасту. После обеда Бритта и Анна перемыли посуду, а я её вытерла. А мальчишки всё это время сидели возле книжных полок и читали, мальчишки редко делают что-нибудь полезное. Мы пробыли у учительницы столько, сколько продолжались бы наши уроки, а потом спросили, будет ли учительница больна и завтра. Оказалось, что будет. Тогда мы спросили, нельзя ли нам снова прийти к ней. И она сказала, что будет счастлива, если мы придём.

Когда мы пришли к учительнице назавтра, она, бедняжка, лежала в постели и мечтала об овсяной каше. Мы помогли ей пересесть в качалку и перестелили постель. Учительница сказала, что теперь она лежит как принцесса. Мы сварили ей овсяную кашу и напоили кофе со свежими плюшками, которые я принесла из дома. И учительница сказала, что ей очень нравится болеть. К сожалению, через день она выздоровела. А то бы мы научились готовить ещё что-нибудь.

Осенью и зимой бывает темно, когда мы идём в школу и из школы. В одиночку было бы страшно. Но ведь нас шестеро, поэтому нам не страшно, а весело. Почти вся дорога идёт лесом. Лассе говорит, что в этом лесу много троллей, великанов и ведьм. Может быть, и так. Но мы их ни разу не видели. Иногда на небе светятся звёзды. Лассе говорит, что на небе два миллиона пятьсот тысяч сто пятьдесят четыре звезды. И ещё он говорит, что знает, как они все называются. Но мне кажется, он сам придумывает эти названия. Я его спросила, как называется одна звезда, и он сказал, что это Большая Красавица. А на другой день он ту же звезду назвал Королевской Короной!

– Почему же ты вчера сказал, что это Большая Красавица? – удивилась я.

Лассе невозмутимо ответил:

– Большая Красавица совсем другая звезда. Сегодня ночью она упала с неба. А это Королевская Корона, честное слово!

Иногда по дороге домой мы поём песни. Вот, наверно, кто-нибудь удивился бы, если бы услышал, как мы поём. «Интересно, – подумал бы он, – кто это поёт здесь в лесу?» Ведь в лесу темно и не видно, что это поём мы, дети из Бюллербю.

Вечер с переодеванием

Однажды осенью все наши папы и мамы уехали в гости к лавочнику в Большую деревню. Дома остались только мы, дети. И ещё дедушка. И Агда. Я трижды посветила в окно карманным фонариком. Это означало: «Бритта и Анна, приходите скорее ко мне: я что-то придумала». Через несколько минут я услышала, как они бегут по лестнице. Но я ничего не придумала. Просто мне было скучно, и я хотела придумать что-нибудь вместе с ними. Сначала мы посмотрели мои глянцевые картинки, потом немного поиграли в лото. А потом решили спуститься вниз и поболтать с Агдой. Вот тут-то Анна и предложила переодеться так, чтобы Агда нас не узнала! Мы обрадовались и принялись за дело. У нас на чердаке висит много разной одежды, которую когда-то носили папа и мама. Бритта сказала, что она хочет нарядиться важным господином, и надела папины серые брюки, коричневый пиджак и чёрную шляпу. Рукава и штанины она, конечно, закатала и пришпилила булавками. Потом жжёной пробкой она нарисовала себе усы и напялила большие очки. Нам с Анной стало так смешно, что мы чуть не забыли переодеться сами. Я выбрала себе мамину юбку, блузку в цветочек и чёрную шляпку с вуалью. Когда я опустила вуаль на лицо, Бритта и Анна сказали, что меня совершенно не узнать. Анне тоже захотелось надеть вуаль, но второй вуали мы не нашли, и Анне пришлось повязать платок. Кроме того, она надела длинную клетчатую юбку с большим бантом.

Лассе и Боссе ушли к Улле, поэтому никто не заметил, как мы спускались по лестнице. На цыпочках мы вышли из дому, подкрались к кухонной двери и постучали. Очень громко.

– Кто там? – спросила Агда из кухни; по её голосу было слышно, что она немного испугалась.

Мы с Анной захихикали, а Бритта ответила грубым голосом:

– Бродяги!

– К нам нельзя! – сказала Агда. – Хозяев нету дома.

– Ну и что ж, а мы хотим! – закричали мы грубыми голосами и забарабанили в дверь.

Нам было очень трудно сдерживать смех. Я старалась изо всех сил, но смех так булькал во мне, что Агда, наверно, услыхала. Она чуть-чуть приоткрыла дверь, мы обрадовались и прошмыгнули в кухню.

– Боже мой! – воскликнула Агда. – Вот чудо-то! А я и не знала, что к нам пожаловали такие важные господа!

– Меня зовут господин Карлсон, – сказала Бритта. – А это мои жёны.

– У вас очень красивые жёны, господин Карлсон, – сказала Агда. – Только я не понимаю, почему их сразу две? Надеюсь, дорогие гости не откажутся выпить морсу?

Конечно, дорогие гости не отказались. Мы пили морс и воображали, будто мы важные господа, и это у нас очень хорошо получалось.

Потом мы надумали пойти к мальчикам. Дверь в доме была не заперта, и мы вошли без стука. На лестнице Анна запуталась в длинной юбке и упала. Улле услышал шум и распахнул свою дверь, чтобы посмотреть, кто там. На лестнице было темно, и только из его двери падала узкая полоска света. При виде нас Улле так испугался, что сам чуть не упал. Ему показалось, будто по лестнице

поднимаются сразу три привидения.

Лассе, разумеется, тоже захотел переодеться, а за ним и Боссе с Улле. Лассе надел платье тёти Лизы и её туфли на высоких каблуках, а Боссе и Улле – мужские костюмы. Лассе бегал по дому и говорил писклявым голосом:

– Душечка, как вы печёте такие вкусные пирожки? Пожалуйста, дайте мне ваш рецепт!

Он думает, что важные дамы только так и разговаривают.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

То?мте – персонаж шведского фольклора, похож на нашего домового.

Купить: https://tellnovel.com/astrid-lindgren/my-vse-iz-byullerbyu-sbornik-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити